

Артур Конан Дойл

Возвращение Шерлока Холмса

Долина Ужаса

Возвращение Шерлока Холмса

Приключение в пустом доме

Весной 1894 года весь Лондон был взбудоражен, а весь высший свет потрясен загадочным убийством благородного Рональда Адэра. Полицейское расследование этого необычного преступления довольно подробно освещалось в прессе, однако дело это было настолько серьезным, что некоторые его подробности решено было утаить. Только сейчас, спустя почти десять лет, мне было позволено вынести на суд широкой общественности недостающие звенья сей поистине удивительной цепи событий. Преступление это само по себе было достаточно необычным, однако для меня величайшим потрясением стали те невероятные последствия, к которым оно привело, и я могу смело сказать, что подобного изумления и смятения я не испытывал никогда в жизни, хоть и повидал на своем веку немало. Даже сейчас, когда прошло уже столько лет, я вспоминаю те события с волнением и

каждый раз заново переживаю невыразимое счастье, удивление и растерянность, которые охватили меня тогда. Я прошу публику, которая проявила интерес к моим небольшим очеркам о деяниях и помыслах одного замечательного человека, не винить меня за то, что мое молчание было столь длительным, ибо я посчитал бы своим первейшим долгом нарушить его и поделиться радостной вестью, если бы не строжайший запрет, прозвучавший из его собственных уст, запрет, который был снят совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Разумеется, близкое знакомство с Шерлоком Холмсом не могло не пробудить во мне глубокого интереса к разного рода тайнам и преступлениям, и после его исчезновения я с большим вниманием перечитывал колонки криминальных новостей в лондонских газетах. Иногда я даже пытался интереса ради применять на практике методы своего друга, увы, без особого успеха. Однако трагическая гибель Рональда Адэра взволновала меня сильнее других. Когда из газет я узнал, что следствие по делу о его убийстве так и не установило преступника или преступников, я как никогда раньше осознал, какой невосполнимой потерей для общества стала смерть Шерлока Холмса. В этом деле были определенные особенности, которые, я уверен, безусловно

заинтересовали бы его, а раз так, действия полиции наверняка были бы дополнены или, что более вероятно, предвосхищены изощренной наблюдательностью и искусственным разумом лучшего сыщика в Европе. Весь день, разъезжая по пациентам, я обдумывал это дело, но так и не находил объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить общеизвестные факты, я все же напомним суть дела в том виде, в котором оно было представлено публике после окончания следствия.

Благородный Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнута, в то время бывшего губернатором одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра вернулась из Австралии в Англию, где ей должны были сделать операцию по удалению катаракты, и поселилась с сыном Рональдом и дочерью Хильдой в Лондоне на Парк-лейн*, 427. Молодой человек вращался в высшем обществе и, насколько было известно, не имел ни врагов, ни каких-либо пороков. Он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до того их союз распался и помолвка по обоюдному согласию была расторгнута, о чем, судя по всему, не жалела ни одна из сторон. В остальном жизнь его протекала размеренно и спокойно, поскольку дурных привычек он не имел и по характеру был человеком

тихим, уравновешенным. Однако странная смерть совершенно неожиданно настигла этого беззаботного юного аристократа, и случилось это вечером 30 марта тысяча восемьсот девяносто четвертого года между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр любил карты. Играл он много и азартно, но на риск не шел и никогда не делал крупных ставок. Он был членом трех карточных клубов: «Болдуин», «Ковендиш» и «Бэгетель». В последнем, как позже было установлено, в день своей смерти после ужина он сыграл один роббер в вист. Там же Рональд играл и днем. По показаниям тех, кто в тот день играл с ним — это мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран, — играли они именно в вист и карта шла всем примерно одинаковая. Адэр проиграл не больше пяти фунтов. Человеком он был состоятельным, поэтому подобный проигрыш не мог сильно расстроить его. Он играл в разных клубах почти ежедневно, но был игроком осторожным, благодаря чему обычно выигрывал. Следствие установило, что за несколько недель до своей смерти он, играя в паре с полковником Мораном против Годфри Милнера и лорда Балморала, за одну партию выиграл ни много ни мало четыреста двадцать фунтов. Это все, что было известно о последних неделях его жизни.

В день убийства он вернулся домой из клуба ровно в десять. Матери и сестры дома не оказалось — они были в гостях у родственников. По показаниям служанки, он вошел в большую комнату на втором этаже, которая обычно служила его гостиной. Служанка разожгла там камин и, поскольку он дымил, открыла окно. Ни звука не было слышно из комнаты до двадцати минут двенадцатого, когда вернулась леди Мэйнот с дочерью. Собираясь пожелать сыну спокойной ночи, она попыталась войти в комнату, но оказалось, что дверь заперта изнутри. На зов и стук ответа не последовало. Тогда она решила позвать слуг и взломать дверь. Войдя, они увидели несчастного молодого человека лежащим на полу у стола. Голова его была разнесена вдребезги револьверной пулей, но ни самого револьвера, ни какого-либо другого оружия в комнате обнаружить так и не удалось. На столе лежали две десятифунтовые банкноты и несколько серебряных и золотых монет общей суммой семнадцать фунтов десять шиллингов, которые были сложены в небольшие столбики по достоинству. На том же столе лежал лист бумаги с цифрами, против них — имена некоторых из его клубных знакомых, из чего был сделан вывод, что перед смертью он подсчитывал свои карточные выигрыши или убытки.

Тщательное исследование обстоятельств происшествия только усложнило дело. Во-первых, непонятно было, зачем юноше понадобилось запирается у себя в комнате. Была вероятность того, что дверь запер убийца, который потом выбрался через окно. Однако окно комнаты Рональда Адэра находилось довольно высоко, по меньшей мере в двадцати футах над землей, и к тому же прямо под ним была разбита клумба с цветущими крокусами, но ни на цветах, ни на земле не оказалось ни одного следа, как и на узкой полосе травы, которая отделяет дом от дороги. Все указывало на то, что дверь запер сам хозяин комнаты. Но как же он умер? Лезть к окну по стене дома, не оставив следов, было невозможно. Можно было предположить, что убийца стрелял через окно, но тогда пришлось бы признать, что это поистине выдающийся стрелок, поскольку нанести такую ужасную рану, стреляя из револьвера даже с близкого расстояния, крайне сложно. Парк-лейн — довольно оживленная улица, и примерно в ста ярдах от дома на ней расположена стоянка кебов, но выстрела не слышал никто. Однако труп был, была и мягкая револьверная пуля, которая, расплывшись, прошла через голову несчастного Рональда Адэра, вызвав, очевидно, мгновенную смерть. Таковы были обстоятельства этого загадочного дела, которое осложнялось еще и

полным отсутствием мотива, поскольку, повторюсь еще раз, у молодого Адэра не было врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я прокручивал в голове все эти факты, пытаюсь придумать хоть какую-нибудь версию, которая объединила бы их, и надеюсь обнаружить ту точку наименьшего сопротивления, с которой, как часто повторял мой бедный друг, должно начинаться любое расследование. Признаюсь, старания мои не увенчались успехом. Вечером я вышел прогуляться в парк и около шести часов оказался на пересечении Парк-лейн и Оксфорд-стрит. По небольшой толпе зевак, которые, задрав головы, смотрели на окно одного из особняков, я определил нужный мне дом. Посреди толпы стоял высокий худощавый мужчина в темных очках (скорее всего, переодетый в штатское полицейский инспектор, подумал тогда я) и громко излагал свою версию случившегося, остальные молча прислушивались к его словам. Я попытался протиснуться к нему поближе, но то, что я услышал, показалось мне полной ахинеей, поэтому я решил не тратить на него время и с чувством, близким к отвращению, стал пробираться обратно. Сделав первый же шаг, я столкнулся с каким-то сгорбленным стариком, который стоял позади меня. Из рук у него посыпались книжки.

Помню, что, когда я стал их собирать, мне в глаза бросилось одно название — «Происхождение культа деревьев», и я тогда подумал, что этот старик, наверное, какой-нибудь бедный библиофил, который собирает старинные книги или приторговывает ими. Я начал было извиняться, но, похоже, книги, которые я имел неосторожность выбить у него из рук, представлялись их владельцу необычайно ценными, потому что он, не став меня слушать, что-то недовольно пробурчал, развернулся, и скоро его сгорбленная спина и седые бакенбарды растворились в толпе.

Проведенный мной внешний осмотр дома номер 427 на Парк-лейн не привнес ясности в интересующее меня дело. Здание окружала невысокая стена с решеткой общей высотой не более пяти футов, так что кто угодно мог легко пробраться в сад. Но окно тем не менее было совершенно недосыгаемо, поскольку рядом с ним не было ни водосточной трубы, ни каких-либо выступов, и даже самый ловкий человек при всем желании не мог бы до него добраться по совершенно гладкой стене. Озадаченный больше прежнего, я пошел обратно в Кенсингтон. Придя домой, я направился к себе в кабинет, но не минуло и пяти минут, как вошла горничная и доложила, что какой-то человек хочет меня видеть. Я очень удивился, увидев перед собой не кого иного, как

давешнего старика-библиофила. Густые седые бакенбарды почти скрывали его острое сухое лицо, под мышкой он держал по меньшей мере дюжину своих драгоценных книг.

— Что, не думали увидеть меня еще раз, сэр? — спросил он странным скрипучим голосом.

Я признался, что для меня это действительно несколько неожиданно.

— Понимаете, у меня-то совесть тоже имеется. Я ковылял себе спокойно по улице и случайно увидел, как вы вошли в этот дом. Тут я и подумал, что надо бы зайти к этому доброму джентльмену и сказать, что если я и вел себя чуток грубовато, то не со зла, и большое вам спасибо за то, что подобрали мои книги.

— Не стоило вам утруждаться из-за такого пустяка, — сказал я. — Но позвольте спросить, откуда вы меня знаете?

— Осмелюсь сказать, сэр, я ваш сосед. Мой книжный магазинчик вы найдете на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь решите заглянуть ко мне. А вы сами, часом, не собираете книги? А то у меня с собой есть кое-что, вот «Птицы Британии», Катулл*, «Священная война»... Все могу уступить по сходной цене. Пять томов как раз заняли бы вон то пустое место на второй полке, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я машинально оглянулся, чтобы посмотреть на книжный шкаф у себя за спиной, а когда повернул голову, перед моим рабочим столом стоял и улыбался Шерлок Холмс. Не сводя с него глаз, я медленно встал, молча постоял несколько секунд в полнейшем изумлении, после чего, должно быть, первый и последний раз в своей жизни лишился чувств. Перед глазами у меня поплыл серый туман, а когда я пришел в себя, воротник мой был расстегнут и на губах чувствовался терпкий вкус бренди. Надо мной с фляжкой в руке склонился Холмс.

— Дорогой мой Ватсон, — произнес такой знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я и представить себе не мог, что мое явление произведет на вас столь сильное впечатление.

Я вцепился ему в руку.

— Холмс! Неужели это вы? — воскликнул я. — Вы живы! Но как? Неужели вам каким-то чудом удалось выбраться из той ужасной бездны?

— Подождите минутку, — сказал он. — Скажите сначала, вы уверены, что вы в силах разговаривать? Мое чересчур эффектное воскрешение сильно взволновало вас.

— Со мной все в порядке, но правда, Холмс, я не верю своим глазам. Боже мой, видеть вас... вас!.. снова в моем кабинете! — Я опять схватил его за рукав и нащупал худую жилистую руку. — По

крайней мере вы не призрак, — сказал я. — Дружище, я так рад видеть вас. Садитесь, расскажите, как вам удалось остаться в живых в той адской бездне.

Он уселся напротив меня и с обычным бесстрастным видом закурил сигарету. Потрепанный сюртук пожилого торговца книгами все еще оставался на нем, но седые волосы и старые книги были свалены в кучу на столе. Холмс казался еще более худым, и взгляд его сделался еще более пронзительным, чем раньше, а неестественная мертвенная бледность его орлиного лица указывала на то, что образ жизни, который он вел в последнее время, не был полезен для его здоровья.

— Как приятно выпрямиться, Ватсон, — сказал он. — Высокому человеку не так-то просто зрительно уменьшить свой рост на целый фут, да еще и оставаться в таком виде несколько часов подряд. Но прежде, чем приступить к объяснениям, я, друг мой, хотел бы попросить вашей помощи — этой ночью мне предстоит тяжелая и опасная работа. Может быть, лучше отложить рассказ о том, что со мной произошло, до той минуты, когда эта работа будет завершена.

— Но я сгораю от любопытства. Мне бы очень хотелось услышать ваш рассказ прямо сейчас.

— Так вы пойдете со мной сегодня ночью?

— Куда угодно и когда угодно.

— Прямо как в старые добрые времена. Перед тем как идти, нужно перекусить. Теперь что касается той бездны. Спастись мне было совсем не трудно по той простой причине, что я в нее не падал.

— Не падали?

— Да, Ватсон, не падал. Но мое послание вам было написано совершенно искренне. Увидев зловещую фигуру покойного профессора Мориарти на единственной узкой тропинке, ведущей к спасению, я уже не сомневался, что мне конец. В его серых глазах я видел непоколебимую решимость, поэтому, обменявшись с ним парой слов, получил от него позволение написать ту короткую записку, которую вы в скором времени прочитали. Я положил ее на камень, придавив портсигаром, поставил рядом свой альпеншток и пошел дальше по тропинке. Мориарти не отставал от меня ни на шаг. Дойдя до края пропасти, я остановился. Оружия у профессора не было, но он накинулся на меня и обхватил своими длинными руками. Он понимал, что его игра проиграна, так что в ту секунду у него было одно желание — отомстить мне. Какое-то время мы балансировали на самом краю, но, к счастью для меня, я владею некоторыми приемами японской борьбы «баритсу», что, к слову, не раз помогало мне в самых

отчаянных ситуациях. Мне и сейчас удалось выскользнуть из его цепких объятий. Мориарти несколько секунд с истошным криком шатался и размахивал руками, но, как ни старался, равновесия не удержал и полетел вниз. Наклонившись над пропастью, я долго смотрел, как он падает. Внизу со страшной скоростью он налетел на камень, отскочил от него и обрушился в воду, подняв столб брызг.

Я затаив дыхание слушал этот рассказ, который Холмс неторопливо вел между затяжками сигареты.

— Но следы! — воскликнул я. — Я своими глазами видел, что две цепочки следов вели к краю пропасти и там обрывались.

— Дело вот в чем: в ту секунду, когда тело профессора понеслось в пропасть, я вдруг понял, какой необыкновенно счастливый шанс дает мне судьба. Я знал, что Мориарти — не единственный, кто желает моей смерти. Мне были известны имена еще как минимум трех человек, неприязнь которых ко мне и страстное желание отомстить только усилились бы со смертью их главаря. Все они были людьми чрезвычайно опасными. Кто-нибудь из них обязательно добрался бы до меня. Но, посмотрев на это дело с другой стороны, можно было рассчитывать на то, что, если весь мир будет уверен, что я погиб, они станут наглее, потеряют

бдительность, и рано или поздно я смогу их уничтожить. После этого я мог бы снова явить себя миру. Человеческий мозг работает так быстро, что я, должно быть, успел все это обдумать еще до того, как профессор Мориарти достиг дна Рейхенбахского водопада.

Я отошел от края и осмотрел каменную стену, которая высилась надо мной. В своем живописном рассказе о том происшествии, который я спустя несколько месяцев с большим интересом прочитал, вы утверждаете, что стена эта была гладкой. Это не совсем так. В ней есть несколько выступов, небольших, но достаточно широких, чтобы на них можно было опереться ногой или ухватиться за них руками. Однако утес слишком высок, и подняться на его вершину было невозможно, да и пройти по влажной тропинке, не оставив следов, я тоже не мог. Да, можно было натянуть ботинки задом наперед, и я не раз прибегал к этому приему в подобных случаях, но, согласитесь, три цепочки следов, ведущих в одном направлении, наверняка вызвали бы подозрение. В общем, я решил, что лучше всего будет рискнуть и попытаться вскарабкаться по скале наверх. Это было крайне неприятное занятие. Подо мной бушевал водопад. Вы знаете, что я человек не впечатлительный, но, клянусь вам, в ту минуту мне казалось, что я слышу крик Мориарти, доносящийся из адской бездны.

Любая ошибка стоила бы мне жизни. Не раз, когда я, ухватившись за пучок травы, вырывал ее с корнем или нога моя соскальзывала с мокрой каменной ступеньки, я думал, что это конец. Но я упрямо продолжал подъем и наконец добрался до узкого, всего в несколько футов, поросшего мягким мхом выступа, на котором можно было удобно растянуться, оставаясь при этом невидимым для тех, кто находился внизу. Там я и лежал, когда вы, мой дорогой Ватсон, и те, кто пришел следом за вами, отчаянно и весьма неумело пытались выяснить обстоятельства моей гибели.

Наконец, когда все вы, сделав неизбежные, но совершенно ошибочные выводы, вернулись в гостиницу, я остался один. Мне тогда показалось, что мои приключения окончились, однако потом произошло совершенно неожиданное событие, которое дало мне понять, что меня еще ждут сюрпризы. Огромный камень пролетел мимо моего укрытия, упал на тропинку и скатился в пропасть. Сначала я подумал, что это случайность, но в следующую секунду, посмотрев вверх, я увидел, как на фоне начинающего темнеть неба мелькнула чья-то голова, и вниз полетел второй камень. Он разбился о мое ложе, едва не угодив мне в голову. Разумеется, я все понял. Мориарти пришел не один. Его сообщник (мне хватило одного взгляда на него, чтобы понять, насколько этот человек опасен) стоял

на страже, пока Мориарти боролся со мной. Он издалека наблюдал за нашим боем и видел, как профессор полетел в пропасть, а я полез наверх. Потом, выждав какое-то время, обходным путем он поднялся на вершину утеса и попытался сделать то, что не удалось его товарищу.

Размышлял я над этим недолго. Злобное лицо снова показалось над краем утеса, и я понял, что сейчас на меня полетит еще один камень. Тогда я решил, что у меня единственный шанс на спасение — спуститься вниз, на тропинку. Вряд ли я отважился бы на это в спокойном состоянии, Ватсон, поскольку спускаться по той стене было в сто раз труднее, чем подниматься. Но у меня не было времени думать об опасности, потому что, когда я повис на каменной стене, уцепившись пальцами за край выступа, мимо меня со свистом пронеслась очередная глыба. Где-то на полпути я сорвался, но, слава Богу, упал на тропинку, весь в крови и изодранной одежде. Ну, а потом я что было духу бросился бежать, под покровом темноты преодолел десять миль через горы и через неделю уже был во Флоренции. Я был уверен, что теперь никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

В свою тайну я посвятил лишь одного человека — своего брата Майкрофта. Извините меня, Ватсон, но мне было крайне важно, чтобы все, абсолютно все считали, что я мертв, к тому же

вы бы не написали столь убедительно о моем трагическом конце, если бы сами не считали, что я действительно погиб. Поверьте, за последние три года я несколько раз брался за перо, чтобы дать вам о себе знать, но меня останавливала мысль, что ваша привязанность ко мне толкнет вас на какие-нибудь неосмотрительные поступки, которые выдали бы мой секрет. По той же причине и сегодня вечером я отвернулся от вас, когда вы выбили у меня из рук книжки. Мне в ту минуту угрожала опасность, и любое выражение удивления или радости с вашей стороны могло бы привлечь к моей персоне внимание и привести к самым прискорбным и непоправимым последствиям. Да я и Майкрофту доверился лишь потому, что мне нужны были деньги. Дела в Лондоне пошли не так хорошо, как я рассчитывал, поскольку суд над бандой Мориарти оставил двух ее самых опасных членов, моих главных врагов, на свободе. Эти люди не остановятся ни перед чем, чтобы отомстить мне. Поэтому я покинул Англию и на два года отправился в Тибет, где имел удовольствие посетить Лхасу* и провести несколько дней в обществе далай-ламы*. Вы, возможно, читали об экспедиции норвежца Сигерсона, но, могу поспорить, вам не приходило в голову, что это была весточка от вашего друга. После Тибета я пересек Персию, заглянул в Мекку*, нанес короткий, но

интересный визит хартумскому халифу*. О результатах этой встречи я сообщил в наше министерство иностранных дел.

Вернувшись во Францию, я несколько месяцев посвятил исследованию производных каменноугольной смолы*, которое проводил в одной из химической лабораторий в Монпелье, на юге Франции. Добившись нужных мне результатов и узнав, что в Лондоне к тому времени остался только один из моих врагов, я начал готовиться к возвращению, но новость об этом необычном убийстве на Парк-лейн заставила меня поторопиться с отъездом. Для меня это было не просто интересное преступление, оно давало возможность добиться определенных целей, которые я поставил перед собой. Я не мешкая выехал в Лондон, зашел на Бейкер-стрит, чем вызвал у миссис Хадсон сильнейший приступ истерии, и обнаружил, что благодаря Майкрофту мои комнаты и бумаги сохранились в том виде, в каком я их оставил, когда был здесь в последний раз. Так и вышло, милый Ватсон, что сегодня в два часа я оказался в своем старом кресле в своей старой комнате, и единственное, чего мне не хватало, это — чтобы в соседнем кресле, как всегда, сидел мой старый друг доктор Ватсон.

Вот какую удивительную историю услышал я в тот апрельский вечер... Историю, в которую я бы

ни за что не поверил, если бы прямо передо мной не сидел этот высокий худощавый человек с энергичным лицом и пронзительным взглядом, человек, которого я и не думал когда-нибудь увидеть снова. Каким-то образом он догадался о том, что творилось у меня на душе, и сочувствие его проявилось скорее в интонациях, чем в словах.

— Работа — лучшее лекарство от хандры, мой дорогой Ватсон, — сказал он. — И на сегодняшнюю ночь у меня есть для нас с вами работа, причем работа такая, выполнив которую можно будет смело сказать, что мы не зря жили на этой планете.

Напрасно я старался выведать у него, что за работа предстоит нам.

— До утра вы все будете знать, — говорил он. — Мы с вами не виделись три года, и нам есть о чем поговорить. Пусть работа подождет до половины десятого, когда мы примемся за это удивительное дело, которое я назвал «Пустой дом».

Все действительно было как в старые времена. Я сидел рядом с Холмсом в кебе, в кармане у меня лежал револьвер, а в груди в предвкушении приключений возбужденно трепетало сердце. Когда свет проплывающих мимо уличных фонарей озарял строгий лик моего друга, мне становилось видно, что брови его задумчиво сведены к переносице, а тонкие губы плотно сжаты. Мне не было известно,

на какого зверя нам предстоит охотиться в темных джунглях преступного Лондона, но по виду этого искусного егеря было понятно, что испытание нам предстоит серьезное, хотя зловещая улыбка, время от времени появлявшаяся на его устах, не сулила ничего хорошего той дичи, которую мы собирались выследить.

Поначалу я решил, что мы направляемся на Бейкер-стрит, но Холмс велел кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквер. Я заметил, что, прежде чем выйти из кеба, мой друг посмотрел по сторонам, а потом, когда мы пошли по улицам, он на каждом углу внимательно проверял, нет ли за нами слежки. Никогда раньше мне не приходилось совершать такой прогулки по Лондону. Холмс обладал просто феноменальным знанием лондонских трущоб, и в ту ночь он уверенно и быстро шел такими закоулками, о существовании которых я никогда и не слышал. Наконец мы вышли на какую-то неширокую дорогу, зажатую между старых мрачных домов, которая вывела нас сперва на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс нырнул в какой-то узкий переулок, прошел через деревянные ворота на запущенный двор и отпер ключом заднюю дверь одного из домов. Когда мы вошли, он снова ее закрыл. Внутри было темно, хоть глаз выколи, но я все же понял, что это был пустой дом, в котором

никто не живет. Под ногами поскрипывали и потрескивали голые половицы; вытянув руку, я нащупал старые обои, длинными лоскутами свисающие со стены. Неожиданно холодные тонкие пальцы Холмса сомкнулись у меня на запястье, и он повел меня по длинному коридору, потом резко повернул направо, прошел через дверь, над которой едва светлело полукруглое окошко, и мы оказались в большом пустом квадратном зале, углы которого терялись в густой тени. Свет фонарей, горящих внизу на улице, проникая в середину этого сумрачного помещения, лишь слегка развеивал царящую здесь тьму. Лампы под рукой не было, окна заросли грязью и пылью, поэтому я различал лишь темный контур силуэта моего друга. Рука Холмса переместилась мне на плечо, и над самым ухом раздался его шепот:

— Вы знаете, где мы? — тихо спросил он.

— Бейкер-стрит, — уверенно произнес я, посмотрев через мутное окно на улицу.

— Совершенно верно. Мы в Камден-хауз, прямо напротив нашей с вами старой штаб-квартиры.

— И зачем мы здесь?

— Затем, что отсюда открывается отличный вид на это живописное здание. Могу я попросить вас, Ватсон, стать немного ближе к окну — только осторожно, чтобы вас никто не заметил снаружи —

и взглянуть на нашу старую квартиру... Сколько приключений начиналось в ней! Посмотрим, не потерял ли я за эти три года способность удивлять вас.

Я сделал пару осторожных шагов вперед и выглянул на улицу. И как только взгляд мой упал на знакомое окно, я изумленно вскрикнул. В комнате горел яркий свет, и черный силуэт сидящего в кресле человека четко вырисовывался на освещенной изнутри опущенной шторе. Лицо было повернуто боком, поэтому светлая штора с черной тенью очень напоминала те силуэты, которые наши деды так любили вставлять в рамку и вешать на стену. Посадка головы, очертания плеч, точеный контур лица узнавались безошибочно. Это был профиль Холмса. Я так этому удивился, что протянул руку, чтобы убедиться, что он стоит рядом. Нащупав его плечо, я почувствовал, что оно сотрясается от беззвучного смеха.

— Ну что? — спросил он.

— Боже правый! — воскликнул я. — Это просто поразительно.

— Я надеюсь, что прошедшие годы не притупили моих разнообразных талантов, — сказал он, и в его голосе я услышал счастливые и гордые нотки художника, довольного своей последней картиной. — По-моему, очень похоже, не правда ли?

— Я бы мог поклясться, что это вы.

— Сие произведение искусства выполнено месье Оскаром Менье из Гренобля*, который несколько дней потратил на лепку. Это восковой бюст. Все остальное я подготовил сам, когда сегодня днем заходил на Бейкер-стрит.

— Но зачем все это понадобилось?

— Затем, мой дорогой Ватсон, что у меня были очень веские причины желать, чтобы определенные люди считали, что я нахожусь там, в то время как на самом деле я буду совсем в другом месте.

— Вы предполагаете, что за домом следят?

— Я знаю, что за домом следят.

— Кто?

— Старые враги, Ватсон. Те чудесные люди, чей предводитель покоится в Рейхенбахском водопаде. Вы же помните, им — и только им — было известно, что я все еще жив. Они наверняка рассчитывали, что рано или поздно я вернусь домой, поэтому постоянно следили за моим домом, и сегодня утром они дождались своего: я вернулся.

— А как вы это узнали?

— Заметил их агента, когда выглянул из своего окна. Это безобидный малый, фамилия его Паркер, он промышляет удавкой и прекрасно играет на варгане*. Однако меня волнует не он, а гораздо более грозная фигура, которая стоит за ним.

Близкий друг Мориарти, тот самый человек, который бросал камни со скалы. Это самый коварный и опасный преступник в Лондоне, Ватсон, и сегодня он придет охотиться за мной, хотя не догадывается, что сам станет добычей.

Постепенно я начал понимать, что было на уме у моего друга. Эта темная комната позволяла наблюдать за теми, кто наблюдал за окнами нашей старой квартиры на Бейкер-стрит. Та нескладная тень в окне была приманкой, а мы были охотниками. Притаившись, мы стояли в темноте и наблюдали за снующими по улице людьми. Холмс молча замер. Я не мог его рассмотреть, но не сомневался, что внимание его в те минуты было напряжено до предела и что он внимательно наблюдал за потоком пешеходов. Ночь была темной и беспокойной, на длинной улице жутко завывал ветер, многие прохожие поднимали воротники пальто и кутались в шарфы. Раз или два мне показалось, что некоторых людей я видел уже не в первый раз, мое особое внимание привлекли двое мужчин, которые как будто прятались от ветра на крыльце одного из соседних домов. Я попробовал указать на них Холмсу, но в ответ он, не отрывая глаз от улицы, лишь что-то недовольно буркнул и продолжал неотрывно всматриваться в улицу. Он то и дело нетерпеливо постукивал ногой по полу или барабанил пальцами по стене, и я начал понимать,

что все идет не совсем так, как он рассчитывал. В конце концов, когда наступила полночь и на улице почти никого не осталось, он отошел от окна и стал ходить по погруженной во мрак комнате, охваченный сильнейшим волнением. Я хотел ему что-то сказать, но тут мой взгляд снова упал на освещенное окно, и я испытал почти такое же удивление, как раньше. Схватив своего друга за руку, я указал на окно.

— Тень пошевелилась! — чуть не сорвался на крик я.

И в самом деле, силуэт в окне теперь был повернут к нам не профилем, а затылком.

Три прошедших года никак не сказались на характере Холмса, его все так же раздражало, когда кто-то не понимал, с его точки зрения, элементарных вещей.

— Разумеется, она пошевелилась, — зашипел он. — Ватсон, неужели вы меня принимаете за идиота, который, выставив в окне обычную куклу, может надеяться провести одного из умнейших людей в Европе? Мы с вами провели в этой комнате два часа, и за это время миссис Хадсон восемь раз меняла положение фигуры, другими словами, каждые четверть часа. Она это делает, подходя спереди, поэтому она в окне не видна.

После этих слов он неожиданно и резко вдохнул. В тусклом свете я увидел, как голова его

подалась вперед, а сам он напряженно замер. Снаружи, на улице, не было никого. Те двое, может быть, продолжали прятаться у соседнего дома, но я их не видел. Было пустынно и темно, лишь желтое пятно ярко освещенного окна с темным силуэтом посередине горело прямо напротив нас. И снова в полнейшей тишине я услышал этот короткий едва различимый вдох, свидетельствующий о напряженном, едва сдерживаемом волнении. В следующую секунду Холмс оттащил меня в самый темный угол комнаты и закрыл мне рукой рот. Я почувствовал, что его пальцы дрожат. Никогда еще я не видел своего друга таким возбужденным, хотя на улице по-прежнему не было ни души.

Вдруг и я различил то, что уже давно уловили его более чуткие уши. Я услышал тихий, приглушенный звук, только доносился он не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, в котором прятались мы. Тихонько открылась и закрылась дверь, и почти сразу послышались осторожные шаги — кто-то крадучись пробирался по коридору. Но даже эти тихие звуки мгновенно разносились по всему пустому дому. Мой друг вжался в стену, и я, держа руку на рукоятке револьвера, последовал его примеру. Напряженно вглядываясь в сумрак, я увидел, как в черном провале открытой двери появился еще более темный силуэт человека. На мгновение он замер,

потом, ступая по-кошачьи, двинулся в комнату. Эта зловещая фигура находилась всего в трех ярдах от нас. Я собрался, готовясь отразить его нападение, если вдруг он решит броситься на меня, но потом до меня дошло, что этот человек не догадывается, что в комнате он не один. Не замечая нас, он подкрался к окну и мягко, бесшумно приоткрыл раму на полфута. Когда он встал на колени, лицо его оказалось на уровне образовавшегося проема, и свет улицы, уже не приглушенный грязным стеклом, позволил нам рассмотреть его.

Незнакомец был необыкновенно взволнован, глаза его блестели не хуже звезд на небе, а всё лицо мелко подергивалось. Это был уже немолодой мужчина с тонким ястребиным носом, очень высоким лбом и пышными седыми усами. Складной цилиндр его сдвинулся на затылок, под расстегнутым пальто сияла белоснежная манишка. Смуглое худое лицо мужчины было изрезано глубокими морщинами, в руке он держал какой-то предмет, похожий на палку; правда, когда он положил его на пол, эта штука издала металлический лязг. Из внутреннего кармана пальто он достал какой-то увесистый предмет и принялся что-то с ним делать, пока не послышался громкий резкий щелчок, как будто встала на свое место пружина или защелкнулся затвор. По-прежнему стоя на коленях, он подался вперед и

всем весом налег на какой-то рычаг, отчего мертвую тишину нарушил длинный скрежещущий звук, который закончился очередным громким щелчком. После этого он выпрямился, и я увидел, что в руках он держит что-то наподобие ружья с прикладом непривычной формы. Он открыл патронник, сунул в него что-то и передернул затвор, после чего пригнулся, положил конец ствола на край подоконника, и я увидел, как его усы коснулись ружейной ложи, а глаза хищно блеснули, когда он стал всматриваться в прицел. Я даже услышал, как он довольно крикнул, когда удобно устроил на плече приклад и навел мушку на изумительную мишень — темный силуэт в ярко освещенном окне прямо напротив. На какой-то миг он замер, словно окаменел. Потом плавным движением пальца нажал на спусковой крючок. Раздался странный жужжащий звук, громкий звон разбитого стекла, и в ту же секунду Холмс, словно тигр, набросился на стрелка и повалил его на пол лицом вниз. Но его противник оказался не так-то прост, он тут же извернулся, резко вырвался из рук Холмса и вцепился ему в горло. Но в это мгновение я подоспел на помощь другу и ударил незнакомца рукояткой револьвера по голове, отчего тот повалился на пол. Я кинулся на него сверху, и пока я его сдерживал, Холмс громко свистнул в свисток. Тут же с улицы донесся топот бегущих ног, и

сначала в дом через парадную дверь, а потом и в комнату ворвались двое полицейских в форме и инспектор в штатском.

— Вы, Лестрейд? — спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс. Решил сам взяться за это дело. Рад, что вы вернулись в Лондон, сэр.

— Думаю, вы не откажетесь от небольшой неофициальной помощи. Три нераскрытых убийства за один год — многовато, Лестрейд. Да и загадку Молси вы раскрыли, прямо скажем... Я хотел сказать, действовали вы весьма расторопно.

Мы все поднялись. Пленник наш стоял между двумя дюжими констеблями и тяжело дышал. К этому времени на улице уже начали собираться люди. Холмс подошел к окну, опустил раму и закрыл внутренние ставни. Лестрейд достал из кармана и зажег две свечи, а констебли открыли свои потайные фонари. Наконец я смог хорошенько рассмотреть задержанного.

На нас смотрело мужественное, но в то же время удивительно мрачное и злое лицо. Высокий выпуклый лоб мыслителя и нижняя челюсть любителя чувственных наслаждений указывали на то, что человеку этому от природы суждено было стать либо выдающимся философом, либо великим злодеем. Но одного взгляда на его холодные как лед голубые глаза с цинично полуопущенными веками или на агрессивно выдающийся нос и густые брови,

хищно сросшиися над переносицей, было достаточно, чтобы стало понятно, какая чаша весов перевесила в этом характере. Не обращая ни малейшего внимания ни на кого из нас, он буравил глазами Холмса. Но помимо лютой ненависти в его взгляде было заметно и не меньшее восхищение.

— Хитрый дьявол! — пробормотал он. — Ну и хитрый!

— Ну что вы, полковник, — легкомысленным тоном сказал Холмс, поправляя съехавший на бок воротничок. — «Все пути ведут к свиданию», как говорится в одной старой пьесе*. В последний раз я имел удовольствие встречаться с вами, когда вы забрасывали меня камнями у Рейхенбахского водопада.

Полковник продолжал как замороженный смотреть на моего друга.

— Хитрый дьявол. Ну и хитрый, — только и мог повторять он.

— Но я все еще не представил вас, — сказал Холмс. — Джентльмены, полковник Себастиан Моран, бывший офицер Индийской армии Ее Величества и лучший в нашей восточной империи охотник на крупную дичь. Полагаю, я не ошибся, полковник, ваш рекорд по убитым тиграм еще не превзойден?

Мужчина ничего не ответил, лишь продолжал из-под свирепо сведенных бровей смотреть на

моего друга. Жестокие глаза и топорщащиеся усы делали его самого похожим на тигра.

— Удивительное дело! Столь опытный охотник угодил в такую простую ловушку, — продолжил Холмс. — Вам ведь такой прием должен быть очень хорошо знаком. Неужели вы никогда не прятались на дереве с ружьем, привязав внизу молодого козленка и дожидаясь, когда на приманку выйдет тигр? Этот пустой дом для меня и есть то самое дерево, а вы — мой тигр. Вы наверняка брали с собой запасные ружья на тот случай, если появятся несколько тигров или если случится чудо и ваш первый выстрел не попадет в цель. Вот это, — он обвел нас широким жестом, — мои запасные ружья. Как видите, аналогия полная.

Яростно взревев, полковник бросился на Холмса, но констебли успели схватить его и оттащить обратно. На взбешенное лицо полковника было страшно смотреть.

— Должен признаться, вам все-таки удалось меня несколько удивить, — невозмутимо продолжил мой друг. — Я не мог предположить, что для своих целей вы выберете именно этот дом и это удобно расположенное окно. Мне казалось, что вы будете действовать с улицы, где вас поджидали Лестрейд со своими людьми. За исключением этого, все прошло в точности так, как я рассчитал.

Полковник Моран повернулся к инспектору.

— Есть у вас причины для моего ареста или нет, — сказал он, — но я имею право не выслушивать насмешки этого человека. Раз уж я попал в руки властей, пусть все будет по закону.

— Что ж, это справедливо, — кивнул головой Лестрейд. — Мистер Холмс, вы что-нибудь еще хотите сказать, прежде чем мы уйдем?

Холмс поднял с пола необычное духовое ружье и внимательно осмотрел его механизм.

— Превосходное и уникальное оружие, — сказал он. — Стреляет бесшумно и с поразительной силой. Я был знаком с фон Хердером, слепым немецким механиком, который создал его для покойного профессора Мориарти. О его существовании я знал несколько лет, но до сих пор не имел возможности держать его в руках. Лестрейд, я хочу обратить ваше особое внимание на него и на патроны, которые для него используются.

— Можете быть уверены, мы изучим его самым тщательным образом, — бросил Лестрейд, делая знак констеблям уводить задержанного. — Что-нибудь еще, мистер Холмс?

— Только одно: какое обвинение вы собираетесь ему предъявить?

— Как это какое, сэр? Покушение на мистера Шерлока Холмса, разумеется.

— Нет, Лестрейд. Я вовсе не хочу фигурировать в этом деле. Вам, исключительно вам

принадлежит честь этого блестяще проведенного ареста. Да, Лестрейд, я вас поздравляю! Со свойственной вам хитростью и отвагой вы взяли его.

— Взяли его? Кого взяли, мистер Холмс?

— Человека, которого безуспешно пытается найти вся лондонская полиция... Полковника Себастиана Морана, застрелившего благородного Рональда Адэра. Разрывная пуля из духового ружья, влетевшая тридцатого мая прошлого месяца в открытое окно второго этажа дома номер 427 на Парк-лейн, была выпущена им. Вот обвинение, которое ему нужно предъявить, Лестрейд. А теперь, Ватсон, если вы согласны терпеть сквозняк из разбитого окна, полагаю, полчаса с сигарами в моем кабинете смогут немного развлечь вас.

Благодаря стараниям Майкрофта Холмса и заботам миссис Хадсон наша старая квартира за это время ничуть не изменилась. Правда, когда я туда вошел, мне показалось, там как-то уж слишком чисто, но обстановка была в точности такой, как в прежние времена. Сохранился химический уголок и столик для опытов с покрытой кислотными пятнами деревянной крышкой. На полке стояли многочисленные пухлые альбомы с вырезками из газет и тетради с записями, которые многие из наших соотечественников были бы счастливы сжечь. Схемы, футляр для скрипки, подставка для

трубок, даже персидская туфля, в которой хранился табак, — все было на месте. В комнате нас встретили двое: миссис Хадсон, радостно всплеснувшая руками при нашем появлении, и странная кукла, сыгравшая такую важную роль в сегодняшнем ночном приключении. Просто поразительно, как умело мастер сумел повторить в воске внешний вид моего друга. Она стояла на небольшом столике, и старый халат Холмса был накинут на ее плечи так, что с улицы отличить портрет от оригинала было совершенно невозможно.

— Надеюсь, вы соблюдали все меры предосторожности, о которых я говорил, миссис Хадсон? — спросил Холмс.

— Приближалась к нему только на коленках, как вы и велели.

— Прекрасно. Вы справились со своей задачей изумительно. Не заметили, куда попала пуля?

— Конечно, заметила, сэр. Боюсь, она испортила ваш замечательный бюст, потому что прошла прямоком через голову и расплющилась об стену. Я подняла ее с ковра. Вот.

Холмс взял пулю, осмотрел и протянул мне.

— Как видите, Ватсон, мягкая револьверная пуля. Вот оно, проявление гениальности. Кто бы мог подумать, что такой пулей можно выстрелить

из помпового ружья?* Спасибо, миссис Хадсон, я вам очень обязан за вашу помощь. Ну, а теперь, Ватсон, садитесь в свое старое кресло, я хочу с вами кое-что обсудить.

Он сбросил ношенный сюртук, облачился в светло-серый халат, который снял со своего чучела, и превратился в того Холмса, каким я его всегда помнил.

— Старый шикари* не утратил ни былой выдержки, ни зоркости, — рассмеялся он, рассматривая развороченный пулей лоб скульптуры. — Прямое попадание в затылок. Пуля прошла через мозг и вышла через лоб. В Индии он считался лучшим стрелком, думаю, что и в Лондоне мало кто с ним сравнится в меткости. Вы раньше о нем слышали, Ватсон?

— Нет, не приходилось.

— Так-так. Вот она, слава! Но ведь, если я не ошибаюсь, вам имя профессора Джеймса Мориарти тоже не было знакомо, хотя это был один из величайших умов столетия. На полке стоит мой биографический справочник, подайте, пожалуйста.

Откинувшись на спинку кресла и пуская огромные клубы сигарного дыма, он стал лениво перелистывать страницы.

— Неплохая подобралась компания на «М», — сказал он. — Конечно, Мориарти и сам мог бы украсить любую букву, но кроме него тут

имеются и отравитель Морган, и Мерридюю, оставивший о себе такую ужасную память, и Мэтьюз, который в зале ожидания на Чаринг-кросс* выбил мне левый клык, и, наконец, наш сегодняшний знакомый. Взгляните.

Он вручил мне книгу, и я прочитал:

«МОРАН, СЕБАСТИАН, ПОЛКОВНИК. В отставке. Служил в первом бангалорском* пионерском полку*. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огастеса Морана, главного барристера, бывшего британского посланника в Персии. Учился в Итоне и Оксфорде. Участвовал в Афганской кампании*, усмирении вождей афридиев*. Служил в Чарасиабе* (дипломатический курьер), Шерпуре* и Кабуле. Автор книг: «Крупная дичь Западных Гималаев» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, «Тэнкервилль», карточный клуб «Бэгетель»».

На полях четким почерком Холмса было приписано: «Второй среди самых опасных людей Лондона».

— Просто поразительно, — воскликнул я, возвращая книгу. — Карьера достойного уважения солдата.

— Это верно, — сказал Холмс. — До определенного времени он им и был. Этот человек всегда отличался стальными нервами. В Индии до

сих пор ходят легенды о том, как он однажды ползком по каналу высохшего ручья преследовал раненого тигра-людоеда. Есть такие деревья, Ватсон, которые вырастают до определенной высоты, после чего у них неожиданно начинает проявляться какое-либо уродство. Такое часто случается и с людьми. У меня есть теория, согласно которой в развитии каждого человека отображается история всего его рода, и подобная внезапная перемена, независимо от того, в сторону добра или в сторону зла, обусловлена влиянием кого-то из его предков. Таким образом, каждый индивид является концентрированной историей своей семьи.

— Довольно фантастическая теория.

— Да я на ней и не настаиваю. Каковы бы ни были причины, полковник Моран обратился в сторону зла. До открытого скандала дело не дошло ни разу, но в Индийской армии терпеть его не стали. Он вышел в отставку, приехал в Лондон, и здесь его преступная карьера пошла в гору. Примерно в этот период на него обратил внимание профессор Мориарти и на какое-то время сделал своим главным помощником. Мориарти платил ему более чем щедро, но использовал его лишь раз или два для работы, которая требовала высочайшего уровня мастерства и с которой никто из обычных преступников не справился бы. Вы, возможно, помните смерть миссис Стюард из Лаудера в 1887

году. Нет? Ладно, я считаю, что за этим стоял Моран, хоть доказать это невозможно. Преступная деятельность полковника была так искусно скрыта, что, даже когда банда Мориарти была обезврежена, никому так и не удалось доказать его причастность ни к одному преступлению. Помните тот день, когда я пришел к вам и стал закрывать ставни, опасаясь духового ружья? Наверняка вы тогда посчитали, что у меня слишком сильно разыгралось воображение, но я делал это совершенно осознанно, потому что мне было известно о существовании этого замечательного оружия, и я знал, что целиться из него будет один из лучших стрелков в мире. Когда мы с вами отправились в Швейцарию, он вместе с Мориарти последовал за нами, и, несомненно, именно ему я обязан теми пятью жуткими минутами на каменном карнизе над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием я читал газеты, когда жил во Франции. В них я искал хоть что-нибудь, что могло бы помочь мне упрятать его за решетку, потому что до тех пор, пока он свободно разгуливал по Лондону, чувствовать себя в безопасности я не мог. И днем и ночью я чувствовал угрозу. Он мог нанести удар в любую секунду. А что мог сделать я? Застрелить его? Но тогда я сам сел бы в тюрьму. Просить защиты у властей тоже было бесполезно. Они бы не

стали ничего делать на основании того, что в их глазах было лишь ничем не обоснованными подозрениями. Я был бессилён что-либо изменить, но продолжал просматривать криминальную хронику в газетах, зная, что рано или поздно мне все-таки удастся до него добраться. И тут я узнал об убийстве этого Рональда Адэра. Это был мой шанс! Я прекрасно понимал, что это дело рук полковника Морана. Он играл с этим молодым человеком в карты, проводил его домой из клуба, а потом застрелил через открытое окно. Это не вызывало сомнений. Одних револьверных пуль было достаточно, чтобы отправить его на виселицу. Я сразу вернулся в Лондон и позволил обнаружить себя их наблюдателю, который, я в этом не сомневался, тут же доложил обо мне полковнику, а тот наверняка связал мой приезд с убийством. Это не могло не взволновать его. Я был совершенно уверен, что он захочет убрать меня с дороги как можно быстрее, для чего наверняка использует свое смертоносное оружие. Специально для него я выставил в окне замечательную мишень в виде своего изваяния и, известив полицию о том, что их помощь может понадобиться (между прочим, Ватсон, те двое мужчин в дверях соседнего дома, которые привлекли к себе ваше внимание, были полицейскими), занял, со своей точки зрения, идеальную позицию для наблюдения, не подозревая

о том, что и он для нанесения удара выберет то же самое место. Вот и все, дорогой Ватсон, что-нибудь еще объяснять нужно?

— Да, — сказал я. — Вы так и не объяснили, почему полковник Моран убил благородного Рональда Адэра.

— Ах, Ватсон, здесь мы вступаем в область предположений и догадок, где даже самый трезвый расчет может дать сбой. На основании имеющихся улик любой может составить свое представление о случившемся, и ваша версия будет иметь не меньше прав на существование, чем моя.

— И у вас уже есть версия?

— Мне кажется, объяснить, что произошло, не так уж трудно. Следствие установило, что полковник Моран и молодой Адэр вдвоем выиграли довольно крупную сумму денег. Моран наверняка играл нечестно — о том, что он мошенничает, мне давно известно. Я думаю, что в день убийства это заметил Адэр. После этого, скорее всего, у них состоялся приватный разговор, во время которого Адэр пригрозил Морану раскрыть его, если он добровольно не выйдет из клуба и не пообещает никогда больше не играть в карты. Вряд ли такой молодой человек, как Адэр, решился бы сразу устроить громкий скандал с изобличением столь уважаемого человека, который к тому же был намного старше его, поэтому моя версия кажется

мне наиболее вероятной. Ясно одно: исключение из клуба для Морана означало полный крах, поскольку карточные выигрыши были его основным источником доходов. Поэтому он и убил Адэра как раз в ту минуту, когда тот подсчитывал, сколько ему самому нужно вернуть денег, поскольку не мог оставить себе выигрыш, полученный нечестным путем. Дверь в свою комнату он запер для того, чтобы никто к нему случайно не вошел и не стал спрашивать, что означают все эти имена и монеты. Такая версия вас устроит?

— Я не сомневаюсь, что все происходило именно так.

— Так это или нет, выяснится на суде. Так или иначе, полковник Моран больше нас не потревожит, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит собой музей Скотленд-Ярда, а Шерлок Холмс снова может взяться за те многочисленные интересные задачки, которые подбрасывает нам вечно кипящий Лондон.

Приключение норвудского подрядчика

— С точки зрения криминалиста, — сказал мистер Шерлок Холмс, — после смерти незабвенного профессора Мориарти Лондон превратился в очень скучное место.

— Думаю, не многие добропорядочные лондонцы согласятся с вами, — возразил я.

— Да-да, разумеется, нельзя думать только о себе, — улыбнулся он, отодвигаясь на стуле от обеденного стола. — Конечно, общество в выигрыше, все довольны, страдает только старый, оставшийся без работы сыщик-консультант. Во времена этого гения преступного мира достаточно было открыть утреннюю газету, и перед тобой открывались безграничные возможности. Часто это был всего лишь намек, Ватсон, едва заметный след, но и этого мне было достаточно, чтобы ощутить присутствие великого злодейского мозга; так мельчайшее подрагивание края паутины указывает на то, что в ее центре притаился мерзкий паук. Бессмысленные кражи, беспричинное насилие, никому не выгодные убийства — для человека, знающего подоплеку, все это сливалось в единую целостную картину. Криминалисту, изучающему высшие слои преступного мира, ни одна из европейских столиц не предоставляла таких возможностей, как Лондон. Но сейчас... — Он тяжело вздохнул и с комичным видом покачал головой, словно осуждая такое положение вещей, хотя сам же положил столько сил, чтобы добиться этого.

В то время, о котором я пишу, Холмс уже несколько месяцев как вернулся, а я по его просьбе

переехал в нашу старую штаб-квартиру на Бейкер-стрит, продав свою небольшую кенсингтонскую практику молодому врачу по фамилии Вернер, который, почти не торгуясь, заплатил самую высокую назначенную мной цену, чем несказанно меня удивил. Объяснение этому я получил лишь спустя несколько лет, когда узнал, что Вернер был дальним родственником Холмса и деньги на покупку в действительности предоставил мой друг.

Впрочем, те несколько месяцев, которые мы прожили рядом, не были такими уж бессодержательными, поскольку, просматривая свои записи за тот период, я нахожу отчеты о нескольких делах. Среди них дело о бумагах бывшего президента Мурильо* и ужасное происшествие с голландским пароходом «Фрисланд», которое чуть не стоило нам обоим жизни. Но холодная, гордая натура Холмса всегда противилась любым формам славы, поэтому он строжайше запретил мне писать о себе, о своих методах или успехах. Запрет этот, как я уже упоминал, был снят только недавно.

Подняв себе настроение притворным возмущением, Шерлок Холмс удобно расположился в кресле, собираясь почитать утреннюю газету, как вдруг дом огласился громогласным звонком и частой дробью глухих

ударов, как будто кто-то изо всех сил начал колотить во входную дверь кулаками. После того как дверь открыли, кто-то ворвался в прихожую, с лестницы донеслись торопливые шаги, и в следующий миг в нашу комнату ворвался бледный, всклокоченный молодой человек с безумным взглядом и трясущимися руками. Он посмотрел сначала на меня, потом на Холмса, но, видя наше удивление, должно быть, понял, что за столь бесцеремонное вторжение не мешало бы и извиниться.

— Прошу прощения, мистер Холмс, — воскликнул он. — Не осуждайте меня! Я на грани безумия. Мистер Холмс, я — несчастный Джон Гектор Макфарлейн.

Он произнес это с таким видом, словно одного имени его было достаточно, чтобы мы сразу поняли, что его привело к нам и почему он в таком возбужденном состоянии, однако по оставшемуся непроницаемым лицу своего друга я понял, что ему это имя сказало не больше, чем мне.

— Возьмите сигарету, мистер Макфарлейн, — сказал он, подталкивая к нему портсигар. — С вашими симптомами мой друг доктор Ватсон наверняка прописал бы вам сильнодействующее успокоительное. Последние несколько дней стоит необычайно теплая погода, вы не находите? Итак, если вы немного успокоились, я буду рад, если вы

сядете вон в то кресло и медленно и связно расскажете нам, кто вы и что вам нужно. Имя свое вы произнесли так, словно мне оно должно быть знакомо, но, уверяю вас, кроме тех очевидных фактов, что вы холостяк, адвокат, масон и страдаете астмой, мне ровным счетом ничего о вас неизвестно.

Я хорошо знал метод своего друга, поэтому мне было несложно понять, как он пришел к своим выводам. Некоторая неряшливость в одежде, пачка юридических документов, торчащая из кармана, брелок на часах и сиплое дыхание — все было очевидно. Однако наш клиент от неожиданности окаменел.

— Да, все, что вы сказали, — правда, — заговорил он, когда к нему вернулся дар речи. — К тому же сейчас я самый несчастный человек в Лондоне. Ради всего святого, не оставьте меня в беде, мистер Холмс! Если меня придут арестовывать до того, как я закончу рассказ, сделайте так, чтобы они дали мне время дорассказать вам всю правду. В тюрьме мне будет легче, если я буду знать, что вы занимаетесь моим делом.

— Вас должны арестовать? — изумился Холмс. — О, это просто замечательно... Весьма интересно. И по какому же обвинению?

— По обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра из Лоуэр-Норвуда.

На выразительном лице моего друга отразилось сочувствие, боюсь, не лишённое некоторого удовлетворения.

— Надо же! — воскликнул он. — А я буквально только что за завтраком жаловался своему другу доктору Ватсону, что из газет пропали сообщения о громких делах.

Наш посетитель протянул дрожащую руку и взял «Дейли телеграф», которая все еще лежала на коленях Холмса.

— Если бы вы заглянули сюда, сэр, вы бы сразу поняли, почему я к вам пришел. Я чувствую себя так, словно все вокруг говорят только обо мне и о моей беде. — Он развернул газету и показал нам первую страницу. — Видите? С вашего позволения, мистер Холмс, я прочту: «Загадочное происшествие в Лоуэр-Норвуде», «Исчезновение известного подрядчика», «Не исключается убийство и требование выкупа», «Улики, которые выведут следователей на след преступника». И, как назло, все эти улики указывают на меня, мистер Холмс! За мной следят с Лондон-бриджа, я не сомневаюсь, они только ждут ордера, чтобы арестовать меня. Моя мать этого не переживет... не переживет! — При этих словах он закрыл лицо руками и стал раскачиваться вперед-назад.

Я с любопытством рассматривал этого человека, которого подозревали в совершении такого страшного преступления, как убийство. Он был светловолос, испуганные голубые глаза, чисто выбритое усталое лицо с безвольным чувственным ртом делали его по-особенному привлекательным. Лет ему, пожалуй, было около двадцати семи, одет он был вполне прилично и держался с определенным достоинством. Из кармана легкого летнего пальто торчала пачка подписанных документов, которые свидетельствовали о его профессии.

— Нужно с умом распорядиться временем, которое у нас осталось, — сказал Холмс. — Ватсон, не могли бы вы прочесть вслух эту статью?

Под броским заголовком, который огласил наш клиент, шла следующая примечательная статья:

«Вчера около полуночи в Лоуэр-Норвуде случилось происшествие, за которым, как полагают, может скрываться серьезное преступление. Мистер Джонас Олдейкр уже много лет занимается строительством в этом пригороде Лондона, поэтому хорошо известен его обитателям. Ему пятьдесят два года, он холостяк и живет на вилле Дип-Дин-хаус в районе Сайденхема на улице с тем же названием. Мистера

Олдейкра знают как человека неординарного, имеющего странные привычки, нелюдимого и ведущего уединенный образ жизни. Вот уже несколько лет он практически не занимается делом, которое, по утверждению его соседей, принесло ему немалое состояние. Однако на заднем дворе его дома еще сохранился склад древесины. Той ночью, примерно в двенадцать часов, в районную пожарную часть поступил сигнал о возгорании одного из штабелей с досками и был назван адрес мистера Олдейкра. Пожарные прибыли на место незамедлительно, но к этому времени сухая древесина полыхала уже с такой силой, что потушить пожар было невозможно, и штабель сгорел дотла. Поначалу казалось, что происшествие это носило случайный характер, но вновь открывшиеся обстоятельства указали на то, что здесь, возможно, произошло серьезное преступление. Первым, что вызвало недоумение занятых тушением пожара, было отсутствие хозяина склада. Было решено обследовать дом. Оказалось, что мистер Олдейкр исчез. Обследовавшие его комнату увидели не расстеленную с вечера кровать, распахнутый настежь сейф и разбросанные по полу важные бумаги. Следы крови по всей комнате и на рукоятке тяжелой дубовой трости дали основание полагать, что здесь произошла драка, имевшая

самые трагические последствия для хозяина дома. Известно, что вчера поздно вечером к мистеру Джонасу Олдейкру приходил посетитель. Трость, найденная в спальне, помогла установить личность этого господина: им оказался некто Джон Гектор Макфарлейн, молодой лондонский адвокат, младший компаньон «Грэм-энд-Макфарлейн», юридической конторы, находящейся в Восточно-центральной зоне Лондона по адресу Грешембилдингз, 426. Полиция утверждает, что располагает уликами, убедительно доказывающими то, что у этого человека был повод для подобного преступления. Можно не сомневаться, что в скором времени нас ждет громкое продолжение этого дела.

ДОПОЛНЕНИЕ: Буквально только что нам стало известно, что мистер Джон Гектор Макфарлейн, похоже, уже арестован по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. По крайней мере, мы точно знаем, что ордер на его арест уже выписан. Кроме того, становятся известны все новые ужасающие подробности ночного происшествия в Норвуде. Помимо следов борьбы в комнате несчастного подрядчика обнаружилось, что стеклянная дверь его спальни (которая расположена на первом этаже) была открыта и от нее к складу древесины ведет след, указывающий на то, что туда оттащили какой-то